

Замѣтки по бѣлорусской этнографіи.

Ниже я предлагаю вниманію читателя нѣсколько замѣтокъ объ обрядахъ, повѣртіяхъ и обычаяхъ бѣлорусскаго населенія Минской губ. Матерьялъ собранъ мною во время моихъ лѣтнихъ экскурсій.

Я старался выбрать изъ моихъ матерьяловъ лишь то, что имѣетъ интересъ сравнительно съ уже изданнымъ. Поэтому замѣтки имѣютъ отрывочный характеръ. Пѣсни къ описываемымъ обрядамъ будутъ изданы мною впоследствии отдѣльнымъ собраніемъ.

1. Пѣ с н и ¹⁾). Весеннія пѣсни начинаютъ пѣть въ среднихъ числахъ марта и кончаютъ на Троицу, наз. Сѣм уху. Поютъ только женщины во время работъ. Въ Мозырскомъ у. сохранился еще обычай кликать весну. Дѣвушки и молодіцы собираются на улицахъ и гдѣ нибудь подъ заборомъ поютъ пѣсни, что и назыв. кликать весну. Появленіе мужчины заставляетъ ихъ немедленно удалиться въ другое укромное мѣстечко, гдѣ продолжаютъ снова пѣть. Шутники пари такимъ образомъ умудряются перегнать ихъ не разъ изъ конца въ конецъ села. Кликаютъ только до наступленія теплыхъ весеннихъ дней.

2. Великодныя пѣсни. Хожденіе съ великодными пѣснями извѣстно въ настоящее время въ немногихъ мѣстахъ; обычай этого времени выводятся. Въ Минскомъ у. еще ходятъ съ Великодными пѣснями, такъ наз. хадзіць па валачуопнаму, отсюда названіе валачуопники (а); въ Слуцкомъ у. они обычно называются кукуюльники, но оба названія не безъизвѣстны и въ другихъ мѣстахъ губ. Волочобники сначала поютъ духовныя пѣсни, обычно польскую кантату, потомъ начинаютъ пѣсню—гаспадару, гаспадыни, дзѣткамъ. По рассказамъ крестьянъ, прежнія поколѣнія очень уважали волочобниковъ, семья по часамъ слушала ихъ пѣсни и платила хорошія деньги, но теперь если гдѣ и поютъ, такъ только подъ окнами, даютъ мало. Волочобниками бывають мужчины и женщины. Всѣ или часть своихъ заработковъ они отдають на приходскую церковь. По рассказамъ прежде волочобниками могли быть не всѣ, но только нѣкоторые лица въ приходѣ, которые наиболее старались объ обогащеніи храма. Занятіе считалось почетнымъ. Судя по всему, волочобники составляли тѣсно замкнутое общество, братство; ихъ пѣсни, наиболѣе быть можетъ, интересны,—секретъ для этнографовъ. Старіки говорятъ объ устройствѣ волочобническихъ братствъ неохотно, молодежь ничего не знаетъ. Одни хвалятъ прежнихъ за поддержку храмовъ, другіе указываютъ на то, что деньги пропивались. Вотъ все; вопрось крайне интересный и загадочный.

3. Св. Юрій. Въ Минскомъ у. сохраняютъ ко дню св. Георгія кости отъ освященнаго на Пасху мяса. Въ самый день святаго мужчины съ женщинами, пари съ дѣвушками идутъ на засѣянное озимымъ хлѣбомъ поле, съ водкой и закусками. Въ избранномъ мѣстѣ закапываютъ принесенныя кости отъ пасхальнаго мяса б) и здѣсь же начинаютъ подъ пѣсни пить водку и закусывать. Это празднество называется росю. Подвыпивъ, компанія забираетъ остатки отъ стола и идетъ въ корчму, гдѣ продолжаютъ ширвать до поздней ночи. Пари и дѣвушки пляшутъ.

Есть повѣртіе, что кто въ день св. Георгія выйдетъ очень рано въ поле, тотъ увидитъ святаго раздѣзжающимъ на бѣломъ конѣ по полю. — Если кто въ день св. Георгія выгонитъ рано скоть и успѣетъ напасти его до восхода солнца на восходахъ ржи, тотъ цѣлое лѣто не будетъ имѣть недостатка въ молокѣ.

4. Выгонъ скота въ с. Никольскѣ Минскаго у. ²⁾. Весною въ маѣ или въ началѣ іюня—времени точно не обозначается, подъ вечеръ,—«икъ тулоки почни сутуняця» (вечерять),—собираются бабы и дѣвушки въ одну какую нибудь избу. Собираются только женщины, которыя «ня дарасли гадуоу, чи пярарасли» —т. е. подростки-

¹⁾ По наблюденіямъ въ Минскомъ, Рѣчицкомъ и Мозырскомъ уѣздахъ.

²⁾ Изъ сообщенія г. Демидовича.

дѣвушки и пожилыя женщины. Каждая изъ приходящихъ захватываетъ съ собою прялку (прясицу), веретено и немного (касьмыкъ) льну (кудзели). Собравшись въ избу, онѣ тотчасъ принимаются за работу, предварительно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Однѣ изъ нихъ, преимущественно дѣвушки, принимаются за прядиво, другія стараются скорѣй сновать, т. е. положить основу на ткацкій станокъ, «верстать». Основа кладется предварительно на особаго рода гребни деревянные и когда все приготовить вносятъ верстать, неразобранный. Всѣ спѣшатъ поскорѣе сложить его, положить основу и принимаются ткать. Въ это время поютъ рядъ пѣсенъ, начинають польской духовной кантатой; характеръ мотива грустный и заунывный. Продолжается самая сильная работа. Всѣ спѣшатъ, чтобы къ разсвѣту выткать полотно, по длинѣ равное серединѣ улицы. Какъ только полотно готово, всѣ разбѣгаются по домамъ, чтобы оповѣстить домашнихъ и ближайшихъ сосѣдей. Дѣло въ томъ, что знаютъ о подготовленіи полотна только участвующія, да немногіе изъ ихъ домашнихъ; для большинства же время изготовленія—это тайна. Тайственности придаютъ большую силу.

Бабы, мужики, кто какъ попало, схватываются и бѣгутъ на улицу, выгоняя впереди себя скотъ. Между тѣмъ нѣсколько старыхъ женщинъ выносятъ полотно на край села и разстилаютъ его черезъ улицу. Весь скотъ деревни долженъ пройти черезъ это полотно. Вынесшія его женщины остаются все время тутъ: онѣ наблюдаютъ, чтобы ни одна изъ женщинъ не переступила черезъ него, такъ какъ это строго воспрещается. Обыкновенно выжидаютъ, чтобы непременно весь скотъ деревни прошелъ. Этотъ переходъ, по вѣрованію крестьянъ, весьма полезенъ для здоровья скота, и грѣшно было-бы кому помѣшать или не дать знать о прогонѣ. Перегоняютъ только рогатый скотъ. Весь перегнанный скотъ собираютъ въ кучу, бабы окружаютъ его; приносятъ полотно и недопряженные остатки кудели—и все это сжигаютъ. Весь этотъ обрядъ долженъ быть непременно исполненъ до восхода солнца.

5. Купала. День этотъ считается священнымъ, пренсполненнымъ таинственности. Вѣра въ раздѣланіе папоротника и нахожденіе кладовъ—очень сильна. Кладъ является въ видѣ какого нибудь страшилища; нужно только не испугаться и сумѣть его взять. Вѣдьмы и всякіе нечистые духи обдѣлываютъ въ эту ночь свои дѣла. Вѣдьмы на этотъ день вселяются въ жабу, а потому всѣ стараются избить какъ можно больше этихъ животныхъ въ этотъ день. Вѣдьмы особенно вредятъ молоку. Чтобы предотвратить его кражу или порчу, втыкаютъ въ двери домовъ и въ ворота хлѣбовъ крапиву, зеленія березовыя вѣтки и особую траву, такъ и извѣстную подъ названіемъ «купала». Празднованіе вечеромъ у огня купалы выводится, но лѣтъ десять-пятнадцать оно было повсемѣстно, не исключая и городовъ. Парни и дѣвушки запасаются водкой и закуской и идутъ на перекрестокъ дороги. Здѣсь раскладываютъ огромный костеръ изъ осиновыхъ дровъ (осина—дерево несчастное, на ней повѣсился Иуда предатель). Въ котелкѣ ставятъ на костеръ вариться цадзилку, т. е. ситце или тонкую тряпочку, черезъ котелка процѣживаютъ молоко. Вся компанія садится кругомъ караулить вѣдьму, потому что она непременно захочетъ украсть цѣдилку. Вѣдьма является или въ своемъ видѣ, или въ видѣ животного—собаки, кошки. Вѣдьмѣ, пришедшей красть цѣдилку, отрубиваютъ пальцы на рукахъ, а животнымъ—на переднихъ ногахъ. Извѣстно нѣсколько случаевъ изувѣчелія случайно пошавшихъ женщинъ. Карауленіе кончается выпивкой, закуской, прыганіемъ черезъ огонь. Въ Мозырскомъ у. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ костеръ раскладываютъ изъ лозы и вербы, въ него бросаютъ всякій мусоръ, рваную одежду и пр.; раскладываютъ костеръ на берегу рѣки.

На Купала—солнце купается, а на Ивана сушится. Видѣть могутъ только счастливые люди передъ восходомъ солнца.

6. Зажинки и дожинки. Начинаютъ въ счастливые дни: въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и субботу. Зажинала рожь, крестьянка первую «жменью» сжатыхъ колосьевъ кладетъ въ сторону и вечеромъ приноситъ домой. Въ прежнее время вмѣстѣ съ этою рожью приносился еще и вѣнокъ изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтковъ; теперь этотъ обычай исчезъ. Принесенный пучекъ ржи в) хозяйнѣ дома, помолвившись передъужиномъ и зажегши передъ иконами свѣчку, торжественно кладетъ за иконы. 6 или

15 августа ее освящают въ церкви. Въ новый посѣвъ крестьянинъ смѣшиваетъ рожь для посѣва съ этою освященною рожью.

Дожинки въ послѣднее время выводятся. Отдѣльные крестьяне рѣдко справляютъ дожиночный шпръ. Только гуртовья, толочныя дожинки справляются: плетутъ изъ ржи и цѣтвовъ вѣнокъ, несутъ съ пѣснями домой, слѣдуетъ угощеніе. Въ с. Никольскѣ Минскаго у. совершается слѣдующій интересный обычай (по сообщенію П. Н. Демидовича): на томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается жатва ржи, жнецы оставляютъ небольшую кучку ея несжатой г) въ срединѣ ея или очень близко отъ нея кладутъ крестообразно четыре небольшихъ (съ кулакъ) камня, на нихъ два пучка ржи, положенные крестообразно, сверху—кусочекъ хлѣба и щепотку соли ¹⁾).

Зажигки и дожинки относятся только ко ржи.

7) Дзѣды въ м. Тимковичахъ, Слуцкаго уѣзда. Въ особо установленныя дни—Родительскія субботы—Православная церковь совершаетъ общее поминовение умершихъ православныхъ христіанъ. Съ этими днями во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи соединяется и домашнее поминовение умершихъ, подъ названіемъ «дзѣдоу».

Мы остановимся на томъ, какъ «спрауляютца» дзѣды въ м. Тимковичахъ, гдѣ ихъ въ году бываетъ трое: «пилипаускіе дзѣды, дзѣды перадъ Троицаю и дзѣды перадъ Великимъ постомъ».

Дзѣды всѣ равны, но «пилипаускіе» выдѣляются изъ ряда остальныхъ тѣмъ, что имъ предшествуетъ въ каждой семьѣ годовое поминовение умершихъ, начинающееся недѣль за шесть до дзѣдоу, чтобы общей молитвой въ самый день дзѣдоу окончить «наминки» умершихъ. Еще задолго до дзѣдоу просятъ священника отслужить: кто обѣдню, кто панихиду, кто вынуть частицу (мшу, панахиду, выняць часницу.) Если въ давномъ году были умершіе, то на могилахъ передъ дзѣдамп. ставятся кресты ²⁾ и кладутся «приклады» ³⁾).

Дзѣды обыкновенно начинаются въ пятницу вечеромъ. Передъ ужиномъ при заженной «громничной» свѣчѣ всей семьей читаются молитвы за умершихъ. Къ ужину приготавливается нѣсколько лучшихъ кушаній, чего въ обыкновенныя дни не бываетъ. Подается селедка, квасъ или капуста съ грибами, рыба, лаща съ грибами или «фарфели» ⁴⁾ съ грибами, сущенныя яблоки и груши съ черникою, сливами и медомъ и каша съ медомъ. Это дзѣды постныя, называемыя нѣкоторыми «бабами». Самое же важное и торжественное отъкладывается до вечера въ субботу.

Въ субботу утромъ прежде всего приготавливается «канонъ» ⁵⁾). Канону приготавливается столько, чтобы съ остаткомъ хватило для всей семьи. Когда канонъ приготовленъ, если не вся семья, то, по крайней мѣрѣ, свободные отъ работы члены, идутъ въ церковь, чтобы помолиться за умершихъ. Одинъ изъ членовъ семьи несетъ въ церковь стаканъ или кружку канону съ двумя цѣлыми «абаранками». Канонъ выливается въ общую чашу, стоящую по срединѣ церкви передъ аналоемъ, покрытымъ чернымъ сукномъ съ бѣлымъ крестомъ посрединѣ и головою Адама внизу (символь смерти), а абаранки кладутся на другое, такое же сукно, разостланное на полу.

Послѣ заупокойной обѣдни около указанного аналоя совершается общая панихида; затѣмъ бывшіе въ церкви идутъ домой и принимаются за обычныя работы ⁶⁾).

Къ вечеру хозяйкой дома заготавливается печка, пекутся блины и приготавливаются кушанья. Хата чисто выметается и высыпается желтымъ пескомъ, столы и лавки чисто смываются. Всѣ члены семьи умываются, надѣваютъ чистыя рубахи и, когда ужинъ готовъ, садятся за столъ. На «покуци» ⁷⁾ занимаетъ мѣсто хозяйинъ, по правую

¹⁾ Сообщение г. В. Ляховскаго.

²⁾ Крыжи.

³⁾ Прикладъ — деревянный брусокъ въ данну могилы или камень съ надписью: имя, фамилія, время рожденія и смерти. На нѣкоторыхъ прикладахъ подъ надписью находится узлы ∞. Объ этихъ узлахъ говорится, что они разважутся въ день страшнаго суда.

⁴⁾ Рубленое тѣсто.

⁵⁾ Канонъ—кушанье изъ расыченнаго меду съ калачами («абаранками»).

⁶⁾ Въ дни дзѣдоу теперь дозволяется работать, но было время, когда старухи воздерживались отъ пряжи и шитья.

⁷⁾ Красный уголь.

сторону его сыновья по старшинству, а по лѣвую хозяйка съ дочерьми, при чемъ хозяйка садится такъ, чтобы удобно было вставать изъ за стола и подавать кушанья. Иногда роль хозяйки исполняетъ старшая дочь. Когда всѣми мѣста заняты, зажигается «громничная свѣчка», или «громница» ¹⁾, заранѣе принесенная изъ «каморы» ²⁾, ставится на столъ канонъ, всѣ встаютъ и, обратясь къ «образомъ» (иконамъ) читаютъ молитвы за умершихъ, а затѣмъ садятся «Госпадарь берѣ ложку, хришцица, черпае три рѣза канону и гавориць: «вѣчная памець, вѣчная памець; вѣчная памець!» ³⁾ Хозяинъ ложку передаетъ женѣ, жена старшему сыну и т. д. Всякій черпаетъ только три рѣза канону и говорить три рѣза вѣчная память. Чтобы не былъ нарушенъ обычай, мать, передавая ложку, замѣчаетъ: «вы, дзѣтки, берица па трѣшки, па аднаму кусочку абаранка, бо па многу не гадзица». Когда канонъ съѣденъ, свѣча тушится. Подаютъ водку. Хозяинъ наливаетъ рюмку и обратясь къ женѣ («пѣ да жѳнки») говоритъ: «Ну, жѳнка, будзь здарѳва; дай намъ, Боже, здарѳва, а нашымъ, небожникамъ (покойникамъ) Цѣрства Небѣснае; нехай ены на томъ свѣци спачиваюць и намъ аттуль пріяюць» (или «добра жалаюць»). Мать идетъ къ старшему сыну и т. д. Но вотъ подошла очередь къ дочерамъ и малышъ дѣтямъ. Отецъ останавливаетъ круговой ходъ рюмки: «Еще имъ гарѣлка?! еще будзе часъ, науцацца пѣць!» А мать, соблюдая обычай, говоритъ: «Хибѣ табѣ шкода гарѣлки? Нехай вышюць па трѣшки, таки-та сегоння дзѣды». Дается разрѣшеніе. Пьютъ кто немножко, а кто только губы помочить, «бо такъ негацица не выпѣць хоць трѣшки на дзѣды, дзѣды будуць гѣвацца». Больше чѣмъ по рюмкѣ никто не пьетъ; водка убирается со стола и начинается ужинъ. Подаютъ: верещаку ⁴⁾ съ блинами, капусту съ саломъ или мясомъ, лапшу съ молокомъ или мясомъ, яичницу и въ заключеніе ячменную ⁵⁾ кашу съ саломъ.

Послѣ ужина читаются молитвы на сонъ грядущій, всѣ благодарятъ отца и мать. Этихъ и оканчиваются дѣды.

Посуда со стола не убирается. На столъ ставится оставшійся канонъ «для дзѣдоу», какъ говорится: «ночью дзѣды» ⁶⁾ приходзяць хоць не ѣсци, такъ паседзѣць на томъ мѣсци, гдзѣ калісьто седзѣли и сами спрауляли дзѣды».

Во время ужина всѣ должны держать себя прилично: сидѣть прямо, не налегая на столъ, не разговаривать, младшіе не должны начинать ѣсть раньше старшихъ; всѣ ѣдятъ изъ общей тарелки; только тому, кто разливаетъ дается «талѣрочка», (тарелка); мясо дѣлится по порціи («дзелянцы») каждому соразмѣрно его возрасту. За порядкомъ наблюдаетъ глава семейства. Кто нарушаетъ принятое приличіе, тому дѣзается замѣчаніе: «Седзи добре, а не то налучишь пстричку» ⁷⁾, альбо ложкай пѳлбу и пойдзешь изъ-за сталѣ».

8) Къ играмъ. Въ дополненіе къ сообщеннымъ ужъ въ № IV, 1891 г. «Живой Стар.», предлагаю еще описаніе трехъ игръ.

а) Ящаръ д). Въ Минскомъ у. ⁸⁾ эта игра справляется въ Филипповку слѣдующимъ образомъ:

На скамейкѣ, поставленной среди избы, садится парень—ящаръ. Вокругъ него становятся дѣвушки, взявшись за руки. Онѣ начинаютъ кружиться и припѣвать:

Сядзи, сядзи, гѣй, нашъ, нашъ! Вазми сабѣ панну, гѣй, нашъ, нашъ!

На залаци кресли, гѣй, нашъ, нашъ! Которую любишь, гѣй, нашъ, нашъ!

Затѣмъ самъ ящаръ (его поддерживаетъ весь хоръ), отвѣчаетъ:

¹⁾ «Громничная свѣчка»—восковая свѣча, домашняго приготавленія, освященная на Срѣтеніе Господне («Грамници»).

²⁾ Кладовая.

³⁾ Канонъ ѣдятъ всѣ одной ложкой.

⁴⁾ Верещака любимое бѣлорусское кушанье. Приготавливается она изъ сала, колбасы, небольшихъ кусочковъ мяса и яицъ.

⁵⁾ Между кашами первое мѣсто занимаетъ ячменная каша, употребляемая всегда въ торжественныхъ случаяхъ: дѣды, свадьба, крестины и проч.

⁶⁾ Подъ дѣдами разумѣются всѣ покойники известной фамиліи (рода).

⁷⁾ Пстричка—щелчокъ

⁸⁾ По сообщенію Н. П. Домидовича.

Ой, люблю-жь Коську, гэй, нашъ, У шауковужъ паясочку,
нашъ!
Што ў русоуі касицы (припѣвъ по- У руцьвяноужъ вяночку.
вторяется)
У залатую прасьцицы,

Названная дѣвушка подходитъ къ парню и отдаетъ свою какую нибудь вещьцу. Парень уступаетъ мѣсто другому, тотъ снова дѣлаетъ выборъ и т. далѣе, пока не выберутъ всѣ участвующіе себѣ парь.

По окончаніи выбора, парень бывшій первымъ ящаромъ, садится у стѣны. Дѣвухи становятся въ рядъ у противоположной стѣны и взявшись за руки, идутъ къ ящару съ пѣсней:

Ой, ящару, паяночку,
Прашу одаць вяночку
Красныя Марыськи,
Што у русоуі касицы,
У заладеныкой прасьцицы,
У шаўковымъ паясочку,
Да у руцьвяноужъ вяночку.
Да яна нуочанку наснала

Да вяночикъ завивала,
Па край мори хадзила,
Да красачки зьбирала,
Да у садочку саджала,
Прыгарцямі паливала.
—Расцеця, красачки, тонкія высоки,
На лисцяйка шыроки,
На каренія—глыбоки.

Ящаръ, по окончаніи пѣсни отдаетъ вещь по принадлежности и удаляется, уступая мѣсто другому, и такъ далѣе, пока не возвратятъ всѣхъ вещей.

Въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ эта игра извѣстна почти безъ изменений.

б) Танецъ «подушачка» е). Составляется кругъ изъ дѣвицъ, одна входитъ въ него и поетъ:

Подушачка, подушачка, мая пухавая!
Малодачка, малодачка, мая маладая!
Каго люблю, каго люблю, — таго й па-
цалую

Падушачку пухавую таму й падарую!
Быў-жиў, да нима, да паўхоуі да лигина,

Бѣдная мая галованька—одна спаці легла!
Быў-жиў да нима, да поўхау на рѣчку,
Кабъ вѣдала,—што утапиўся, паставила-бъ
свѣчку,

Ой жаль жа миѣ, што ня варнеца,
Падушачка пуховая—паревярнеца!

Остальныя ей подтягиваютъ и плавно танцуютъ круговую, то раскачиваясь верхней частью туловища, то прихлопываютъ на мѣстѣ. По окончаніи пѣсни стоявшая въ кругу беретъ одну изъ дѣвухекъ, остальныя становятся также въ пары и начинаютъ танцовать «круціолку». Потомъ дѣвушка, танцовавшая съ запѣвалой, входитъ въ кругъ,—и снова повторяется та же игра.

Игра повсемѣстно извѣстна въ Бѣлоруссіи. Народная музыка знаетъ особые мотивы для этой игры, также называемая «подушачка». Тѣлодвиженія танцующихъ сначала шныры и плавны, но при «круціолкѣ» танецъ носитъ бурный характеръ. Вообще весь танецъ носитъ оргіастическій характеръ, и повидимому, среденъ съ игрой «подушечка» на Дону.

К а л о д а ч к а ж). Посреди избы ставятъ колодку, или *заслонку* (доску, которою заслоняется печь). На нее садится одна изъ дѣвухекъ, остальныя стоятъ вокругъ нея и поютъ:

На гары макъ, макъ,
А у *падоли* такъ, такъ!
Бѣдная мая галовачка,

Золотая маковочка!
Ци паспѣу макъ?

Сидящая дѣвушка, когда пропоютъ первый разъ пѣсню, говоритъ «пасѣяла!», во второй разъ—«сузышоу», въ третій—«цѣвице!» и въ четвертый—«паспѣу!». Какъ

только она скажетъ послѣднее, остальные дѣвушки бросаются къ ней и начинаютъ щипать з).

9) Вечорки, игрища, взгляды на цѣломудріе дѣвушекъ. Условія крестьянской жизни далеко не препятствуютъ знакомству и общенію молодыхъ людей обоого пола. Прежде всего они сталкиваются во время деревенскихъ празднествъ, для совершенія Купальскихъ, Троицкихъ и др. обрядовъ, во время лѣтнихъ хороводовъ, прѣ; зимою—на вечеркахъ, имѣющихъ болѣе интимный характеръ.

Труднѣе свести знакомство парню и дѣвушкѣ изъ различныхъ селъ. Для послѣдней цѣли служатъ «хвѣсты» храмовые праздники сосѣднихъ церквей. Затѣмъ слѣдуютъ «прощи», мѣста считающіяся священными въ глазахъ окрестнаго крестьянства. Теперь на мѣстѣ прощи находится икона, крестъ или «капличка», часовня. Эти предметы стоятъ надъ колодезѣмъ, ручьемъ, источникомъ, а иногда прямо въ глухомъ лѣсу, въ роцѣ. Водные источники считаются священными: больные сходятся ихъ пить, омыть больные глаза, части тѣла. Прощи всегда въ глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу, среди болота. Прощи теперь носятъ имена христіанскихъ святыхъ, праздниковъ, во время которыхъ туда и сходитсѣ окрестное крестьянство помолиться, приглашаютъ священника и т. д.

Иногда прощи встрѣчаются вблизи старинныхъ кладбищъ. Особенно интересную прощу въ послѣднемъ родѣ я встрѣтилъ въ Пинскомъ у., около с. Порѣчья. Среди обширнаго болота, по которому теперь еще проведена дорога, стоитъ, недалеко отъ дороги колодезь, покрытый навѣсомъ; подъ навѣсомъ старинная икона св. Николая. Кругомъ—знаки усерднаго поклоненія: куски холста, кисей, навѣшанные на икону и столбы, почернѣвшіе отъ времени. Черезъ дорогу—обширный отлогій курганъ, почти несомнѣнно искусственнаго происхожденія. На курганѣ старинная дубовая церковь (простой срубъ, покрытый соломой, такихъ церквей еще не мало въ Пинщинѣ), а кругомъ старинное кладбище. На большинствѣ могилъ стоятъ прямо плохо обдѣланные камни и только на немногихъ каменные кресты; нѣсколько болѣе изящныхъ каменныхъ плитъ указываютъ своими надписями, что въ прошломъ вѣкѣ здѣсь хоронили свои останки сосѣдніе помѣщики. Мѣстность эта, вообще, очень интересна.

Собираясь на эти прощи, парни и дѣвушки различныхъ селъ заводятъ между собою знакомство. Еще есть случай для подобныхъ знакомствъ—это деревенскіе «кирмаша», ярмарки, не менѣе, какъ и фесты и прощи, посѣщаемые окрестнымъ крестьянствомъ, частью болѣе изъ любопытства, чѣмъ по торговой нуждѣ.

Присмотрѣвшись разъ другой на фестахъ, кирмашахъ, прощахъ, къ дѣвушкѣ изъ сосѣдней деревни, парень старается пробраться въ среду парней ея деревни, чтобы потомъ принимать участіе въ вечернихъ зимнихъ собраніяхъ молодежи. Парни неохотно пускаютъ на свои вечерки парней изъ сосѣднихъ деревень, особенно если замѣтять въ немъ желаніе ухаживать за красивой, веселой дѣвушкой, до которой найдется немало охотниковъ и въ своей средѣ. Средствомъ добиться благосклонности деревенскихъ парней служитъ водка, угощеніе. Сосѣдскій парень разъ другой навизмаетъ «музыку» на свой счетъ для всей молодежи и пр. Но и заручившись согласіемъ парней, парень изъ сосѣдней деревни не всегда гарантированъ отъ неприятныхъ столкновеній, а потому часто собираются ходить на вечерки парни сосѣдней деревни гурьбой, и тогда надѣются больше на силу. Вываютъ и серьезныя побоища. Для дѣвушки это считается большою честью, если къ ней ходятъ парни изъ сосѣднихъ деревень, такъ что онѣ относятся благосклоннѣе къ послѣднимъ, чѣмъ къ своимъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что ловкіе сосѣдскіе парни, въ своихъ сношеніяхъ съ дѣвчанами сосѣдней, особенно отдаленной деревни, легко доводятъ дѣло до интимныхъ отношеній и затѣмъ покидаютъ свою возлюбленную. Расчетъ тотъ, что такому парню легче увернута отъ женитбы: его родичи, несвязанные ничемъ съ родичами пострадавшей, не обратятъ на это вниманіе; самому парню не придется сталкиваться потомъ съ родичами дѣвушки, терпѣть обычныхъ въ такихъ случаяхъ неприяностей и пр.; наконецъ, и родственники дѣвушки менѣе охотно берутся защищать ее: предпочесть своихъ

парней чужому, да еще не устоять передъ ними, считается черезъ чуръ зазорнымъ, такъ что отъ нея и свои отворачиваются.

Большія села дѣлятся на «кутки» (концы) и каждый кутокъ составляетъ свою компанію для игрищъ и собраний. Отношеніе между кутками такое же, какъ и отношеніе между сосѣдскими деревнями. Иногда раздѣленіе замѣчается не только по концамъ, но и по общественному положенію. Въ одномъ большомъ селѣ Пинскаго уѣзда (с. Выгоношты) я замѣтилъ большой антагонизмъ между кутками. Изъ разговоровъ выяснилось, что шричяна лежала въ экономическомъ положеніи крестьянъ. Одна часть села—земледѣльцы, люди зажиточные, строго придерживающіеся старинныхъ порядковъ; они не ходятъ въ славъ. Другая часть — бурлаки, распившіеся и забросившіе землѣ, бѣдная и несчастная часть населенія, цѣлкою находящаяся въ рукахъ евреевъ. Замѣчу, что въ Пинскомъ у. вездѣ такіе контрасты, и замѣчается сильный антагонизмъ между обѣими частями населенія. Это отношеніе «хозяиноу» къ бурлакамъ перешло и къ дѣтямъ тѣхъ и другихъ, проводящихъ усердно эту вражду на своихъ сборищахъ.

Собранія молодежи бываютъ лѣтнія и зимнія. Лѣтнія не представляютъ ничего особеннаго. Кромѣ дной Троицкихъ, Петровскихъ, Купальскихъ, зашпичовыхъ, которыя связаны съ извѣстными обрядами, молодежь собирается по вечерамъ праздничныхъ дней гдѣ нибудь на завалинку или на колоды; дѣвушки садятся въ кругъ, поютъ пѣсни, а молодые люди стоятъ поодаль, перебрасываются съ ними шутками, остротами и пр. Когда дѣвушки расходятся по домамъ, ихъ сопровождаютъ парни. Лѣтомъ крестьяне рѣдко спятъ въ избахъ, развѣ старики, спятъ же обычно на сѣновалахъ, въ сѣнахъ, въ сараяхъ. Парень, сопровождающій дѣвушку, съ которой «любится», обыкновенно и подначевываетъ съ нею гдѣ—нибудь на сѣновалѣ.

Въ большіе праздники, когда молодежь собирается вмѣстѣ изъ цѣлой деревни или кутка, устраиваютъ танцы, хороводы, сопровождаемые пѣснями. Хороводныхъ лѣтнихъ пѣсней очень много и содержаніе ихъ разнообразно. Нѣсколько десятковъ ихъ записано и мною. Нѣсколько другой характеръ носятъ зимнія собранія молодежи. Онѣ прежде всего различаются на «игрища» и на «вячорки»; послѣднія соответствуютъ великорос. поснѣлкамъ и малорос. вечерницамъ.

Игрища—это большія сборища молодежи, бывающія обычно въ большіе праздники, на Рождество, масляницу и др. На игрище приглашаютъ музыканта со скрипкой или гармоніей, а иногда и другаго еще съ бубномъ; музыканту платятъ за вечеръ рубля полтора; но бываетъ и такъ (въ Мозырскомъ у.), что музыканту платитъ отдѣльно каждая пара, вступающая въ танецъ, копѣйку—двѣ, а подъ городами и по пятачку. Деньги на музыканта, равно какъ и на всякіе другіе расходы парни собираютъ между собою. Мѣстомъ собраний служитъ изба какого нибудь хозяина, или же (въ послѣднее время чаще всего) — корчма. Въ селахъ, куда еще не проникла «цивилизація» танцуютъ «лявониху», «бычка», «подушечку» и др., а въ подгороднихъ селахъ встрѣтите и «кандреля», «вальца». Парни угощаютъ между танцами дѣвушекъ медомъ, конфектами, а въ уголкахъ и щипками. Сюда же собираются и старшіе: поглазѣть, покаякать. Въ углу ребятишки и подростки подражаютъ взрослымъ: танцуютъ, угощаютъ другъ дружку и пр. Подобныя игрища кончаются однако зачастую очень печально: подвыпившіе парни заводятъ между собою ссору, не обходится иногда безъ серьезной драки.

Совсѣмъ другой характеръ носятъ «вячорки», съ болѣе интимнымъ характеромъ.

Онѣ устраиваются такимъ образомъ. Въ началѣ зимы, вѣрнѣе осенью, дѣвушки сговариваются съ какими нибудь хозяиномъ о разрѣшеніи имъ у него собираться. Выбираютъ избу побольше, а хозяина покладистѣе, чтобъ не жѣпалъ молодежь. Платы за избу ни хозяинъ, ни хозяйка не получаютъ, но зато при всякомъ случаѣ молодежь старается угощать ихъ. Иногда, если не находятъ постоянной избы, то переходятъ каждый вечеръ отъ одного хозяина къ другому.

Деревеньки въ Вѣлоруссіи маленькія, а потому вся молодежь легко собирается

къ одному хозяину. Если не выщажются, или не поладятъ,—дѣлятся по «куткамъ» и образуется нѣсколько клубовъ.

Вечеръ начинается очень чинно. Дѣвушки приходятъ съ «кужалемъ» и прядутъ, тихо расплывая. Иногда старушка рассказываетъ имъ сказки. Но вотъ гурьбою вваливаются парни. Начинаются шутки, балагурять, «жартуюць». Парни подсаждаютъ къ дѣвушкамъ, дѣло не обходится безъ обниманій, поцѣлуевъ, щипковъ. Вообще, известная вольность въ обращеніи на вечеркахъ не только допускается, но даже требуется обычаемъ, признается закономъ, и дѣвушка можетъ быть исключена изъ собраній, если черезчуръ усердно сопротивляется обычнымъ шуткамъ. Впрочемъ, не нужно думать, что шутки эти и вольности заходятъ слишкомъ далеко, или принимаютъ не совсѣмъ удобный видъ. Одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей, г. Ярмаковичъ, сообщаетъ мнѣ изъ Минскаго у. факты, которые впрочемъ намъ приходилось наблюдать и въ Рѣчицкомъ и Мозырскомъ у. На вечеркахъ не существуетъ разницы между богатымъ и бѣднымъ парнемъ, красивымъ и безобразнымъ. Всѣ одинаково равны. Самый бѣдный и самый некрасивый можетъ подсесть къ красивой и богатой дѣвушкѣ, шутить съ нею и пр., независимо отъ того, симпатизируетъ ли она ему или нѣтъ. На вечеркахъ подсаждаютъ къ дѣвушкамъ и шутятъ не только парни, съ которыми онѣ «любятся», но кто съ кѣмъ придется. Дѣвушка не должна оскорблять парня ударомъ, грубымъ словомъ и пр., она не можетъ также не допустить парня подсесть къ ней.

Эти замѣчанія очень важны, потому что въ обычное время, въ отношеніяхъ и сближеніяхъ молодежи замѣтна разница экономическаго состоянія ихъ отцовъ. Далѣе, дѣвушка не на вечеркахъ ни за что не позволить парню даже самыхъ новинныхъ заигрываній, даже парню, который ей нравится. Брань, негодованія и удары увѣсистой дѣвичьей ручки будутъ въ отвѣтъ смѣльчаку. На этотъ счетъ бѣлорусскія дѣвицы очень щепетильны.

Интересенъ способъ выраженія взаимной симпатіи молодыхъ людей. Они незамѣтно пожимаютъ другъ другу руки, и это пожатіе, наз. «поданіемъ», равносильно клятвѣ въ любви.

Такъ проходитъ время до поздней ночи. Но иногда мирное теченіе вечера измѣняется. Дѣвушки приносятъ съ собой закуски: сало, хлѣбъ, крупу. Парни съ своей стороны прикупаютъ сладостей, водку, призываютъ «музыку», а иногда являются музыканты и изъ ихъ среды. Мало по малу мирная бесѣда смѣняется музыкой и танцами.

Вечорки кончаются поздно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заведенъ обычай, что дѣвушки, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя (напр. свояченицы хозяйки) остаются тутъ же на ночь, принеся предварительно сюда свою постель. Парней дѣвушки шутя изгоняютъ изъ избы, но, когда потушить лучину или лампу, они понемигую снова появляются въ избѣ и ложатся съ тѣми, съ которыми «любятся». Если дѣвушки расходятся по домамъ, то и тогда не отказываются отъ совмѣстнаго сна. Парень провожаетъ дѣвушку; она входитъ въ избу, гдѣ уже всѣ сняты, ложится поближе къ дверямъ и чрезъ нѣкоторое время, увѣрившись что всѣ крѣпко спятъ, выпускаетъ къ себѣ парня, который передъ разсвѣтомъ, конечно удаляется.

Разумѣется, родители дѣвушки и парня хорошо знаютъ объ этихъ подночевьяхъ: домашнимъ не разъ приходится и слышать, какъ дѣвица выпускаетъ парня, и заставить его не успѣвшимъ уйти. Но они вовсе не препятствуютъ дочери, стараясь лишь предупредить послѣдствія. Нерѣдко встрѣтить, что и два, а не то и три парня разомъ ухаживаютъ за дѣвицей, подначевываютъ съ нею вмѣстѣ, если можно, или по одиночкѣ.

Но было бы большою несправедливостью думать, что это совмѣстное ночеванье ведетъ къ неприятнымъ послѣдствіямъ. Конечно, теперь порядки значительно измѣнившіеся, основы старой бытовой жизни сильно поколебались, и жалобы на потерю цѣломудрія дѣвушками раздаются все сильнѣе. Но это слѣдствіе уже новыхъ вѣяній. Но зато тамъ, гдѣ новыя вѣянія сильны, и сами вечерки измѣнили свой начальный характеръ. Такія открытыя подначевыванія вышли изъ обычая, преслѣдуются родственниками. Въ подгороднихъ селахъ, если парень ходитъ къ дѣвушкѣ по ночамъ, то

изъ этого ничего не выйдет хорошаго. Но описанный видъ вечерокъ я встрѣчалъ въ очень глухихъ мѣстахъ Минской губ., въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ, Пинскомъ уѣздахъ. Игью также аналогичныя описанія изъ Минскаго у. Дурныхъ послѣдствій отъ вечерокъ не бываетъ. Крестьяне смотрятъ на посѣщеніе ихъ дѣтьми вечерокъ какъ на обрядъ, установленный дѣдами и потому требуемый обычаемъ. Судя вечеромъ въ крестьянской избѣ, можно подмѣтить, какъ сейчасъ послѣ ужина или даже до него мать всунетъ въ руки дочери «кудзелю», кусокъ хлѣба и сала и выправитъ на вечерки. Хожденіе дѣвушки на вечерки считается однимъ изъ требованій обычая, столь строгимъ что нарушить этотъ обычай рѣшаются лишь въ подгороднихъ селахъ. Мать будетъ серьезно огорчена, если ея дочь не хочетъ посѣщать вечерокъ, если къ ней не ходятъ спать хлопцы; напротивъ, будетъ польщена вниманіемъ ихъ.

Наши вечерки, какъ великорусскія посидѣлки, бесѣды, малорусскіе вечерницы въ своемъ обрядовомъ значеніи сводятся къ переживаніямъ этого первобытнаго гетеризма. Послѣ того, что сдѣлано въ наукѣ объ этомъ вопросѣ, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ такомъ этнологическомъ значеніи и бѣлорусскихъ вечерокъ и).

Въ практической повседневной жизни вечерки игють не менѣе важное значеніе. Вблизи отношенія молодыхъ людей обоего пола препятствовали развитію взгляда на женщину, какъ на существо низшее, подчиненное мужчинѣ. На вечеркахъ и играхъ оба пола не только равны, но дѣвушкамъ отдается предпочтеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Парень обращается съ дѣвушкой, какъ съ равной себѣ; женившійся онъ сохраняетъ то же отношеніе и къ своей женѣ. Въ самомъ дѣлѣ, женщина въ бѣлорусской семьѣ занимаетъ очень высокое положеніе.

Но не вѣрно было бы думать, что сближенія молодыхъ людей обоего пола всегда ведутъ къ браку ихъ. Въ послѣднее время, конечно порядки измѣняются: парень требуетъ, чтобы бабки слали сватовъ къ той дѣвушкѣ, съ которой онъ «любится». Въ малой семьѣ, гдѣ всякій работникъ очень дорогъ, гдѣ чувства родителей къ дѣтямъ игють больше простора въ своемъ развитіи, молодые люди достигаютъ своихъ требованій. Но въ большихъ семьяхъ, гдѣ общій режимъ стоитъ выше чувствъ, гдѣ подчиненіе отдѣльнаго члена «хозяину» (большаку) сильнѣе, — тамъ еще и теперь парня женятъ, а дѣвушку выдаютъ замужъ, мало справляясь съ ихъ желаніями. Обрядовое значеніе вечерокъ выступаетъ и въ этомъ случаѣ: въ болѣе глухихъ селахъ, гдѣ сохранилось еще много большихъ семей, семейныхъ общинъ, вечерки, какъ и всѣ обряды, строго выполняются. Но именно здѣсь то бракъ всецѣло находится въ рукахъ старшихъ членовъ. Напротивъ, въ подгороднихъ селахъ, гдѣ народилась уже новыя условія жизни, гдѣ вечерки потеряли обрядовое значеніе, гдѣ на совместное спанье смотрятъ восо, потому что оно добромъ не кончится, — здѣсь то бракъ совершается по желанію молодыхъ людей.

Я всегда интересовался вопросомъ о свободѣ выбора брачной пары и при всякомъ случаѣ разспрашивалъ особенно старухъ и пожилыхъ, объ ихъ выходѣ замужъ. Бывали счастливыя совпаденія, когда сваты приходили отъ парня, съ которымъ дѣвушка «любилась», но и это объяснялось сторонними соображеніями родителей обѣихъ сторонъ. Но болѣею частью мнѣ приходилось встрѣчать обратное: вопроса о желаніи или нежеланіи не только никто не подымалъ изъ родныхъ, но и самимъ молодымъ людямъ онъ не приходилъ въ голову.

И старухи и пожилыя выражаютъ удивленіе по поводу современныхъ порядковъ, по поводу требованій молодежи. «За насъ того ня було», говорятъ онѣ.

Послѣднія наблюденія даютъ возможность утверждать, что еще лѣтъ 20 — 30 тому назадъ заключеніе брака, выборъ жениха или невѣсты, находился всецѣло во власти родителей и старшихъ въ семьѣ.

Въ заключеніе прибавлю нѣсколько словъ о взглядѣ народа на цѣломудріе до брака. Въ настоящее время, конечно, народныя воззрѣнія на этотъ счетъ сильно пошатнулись. Но все таки цѣломудріе отъ дѣвушки требуется безусловно. Посадъ невѣсты во время свадьбы исполняется повсемѣстно. Дѣвушка не сядетъ на посадъ, не осквернитъ этого священнаго мѣста (дежа или «услонъ», скамейка, застланная вывернутымъ

кожухомъ) и обряда, если потеряла цѣломудріе. Даже если женихъ здѣсь же объявитъ себя виновникомъ несчастія, то и тогда невѣстѣ не избѣжать упрековъ, брани, слезъ матери, увѣсистыхъ, прощальныхъ побоевъ отца. И все таки только время смыываетъ позоръ съ самой невѣсты и ея семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ посадъ бываетъ до церковнаго вѣнчанія (болѣе древній видъ его), въ другихъ—послѣ. Въ первомъ случаѣ, если дѣвушка не съѣла на посадъ, женихова сторова немедленно уѣзжаетъ (если, конечно, женихъ не принимаетъ на себя вины) съ бранью и криками, съ требованіемъ возвращенія убытковъ, платы за потерянное въ проводочкахъ рабочее время и пр. Если посадъ бываетъ послѣ вѣнчанія и дѣвушка не сядетъ на посадъ, то всѣ свадебные обряды прекращаются и гости расходятся. Въ рѣдкихъ случаяхъ женихъ, если онъ не виноватъ, забираетъ молодую тотчасъ къ себѣ. Гораздо чаще, что забираетъ онъ ее только черезъ нѣсколько дней, послѣ долгихъ переговоровъ, увѣщаній. Часто этимъ случаевъ пользуются, чтобъ вытребовать у стороны невѣсты побольше подарковъ, приданое, денегъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда повѣнчанные молодые люди начинали сожительство лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ, даже полгода послѣ вѣнчанія, когда уляжется взаимная вражда.

Очень замѣчательно, что цѣломудріе до брака требуется и отъ парня. Посадъ жениха еще сохранился въ свадебномъ ритуалѣ болѣе части Вѣлоруссіи; женихъ также не имѣетъ права сѣсть на посадъ, если не цѣломудренъ. Въ Минскомъ, Игуменскомъ, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рѣчницкаго у., а вѣроятно, и во многихъ другихъ мѣстахъ Вѣлоруссіи (точныхъ свѣдѣній не имѣется), требованія на этотъ счетъ очень строги. Въ Минскомъ у., напр., невѣста можетъ отказаться отъ вступленія въ бракъ, если женихъ не сядетъ на посадъ (свѣд. изъ Ново-Свержевской вол.). Въ Игуменскомъ у., записывая пѣсни, я сталъ спрашивать моихъ рассказчицъ объ этомъ.— «Цяперъ ня вельми на гэта глядзяць, але, якъ бы даунѣй, дыкъ ня навязли бѣ невѣсту да церкви»,—получилъ я въ отвѣтъ.

Таковы взгляды болѣе консервативной части населенія Минской губ.

10) «П р и п ѣ ў к и» во время танцевъ и игръ. Ниже я привожу небольшой сборникъ припѣвковъ которые поются крестьянами во время танцевъ и игръ. Такихъ припѣвковъ въ Вѣлоруссіи очень много. Онѣ не имѣютъ опредѣленнаго времени или обряда, при которыхъ-бы пѣлись, но поются во время лѣтнихъ танцевъ, хороводовъ, веселыхъ игръ, не имѣющихъ своего круга пѣсенъ, изъ обрядовъ—на родинахъ, крестинахъ, послѣ брачной ночи на свадьбахъ. Поютъ ихъ преимущественно замужнія женщины.

Подобнаго рода пѣсенокъ мы находимъ не мало въ уже изданныхъ сборникахъ (Романова, Шейна, Радоски и др.), но я старался выбрать изъ моего собранія лишь такія которыхъ нѣтъ среди изданныхъ. Особенность ихъ та, что всѣ онѣ не лишены фаллизма. Конечно, это непріятно дѣйствуетъ на слухъ читателя, но для исследователя подобнаго рода пѣсни (къ сожалѣнію, ихъ часто пропускаютъ собиратели) должны представить важный матеріалъ.

№ 1.

Бхау, бхау,—	У мене сѣни, хата,
Чаму ка мѣ ні забхау?	У мене жинка зуховата.

№ 2.

Ахъ, ты Сидоръ макакѣръ!	Якъ паверня, баба пердня;
На парози бабу цѣръ.	Якъ пацисня,—баба дрысна.

№ 3.

Грай, грай, музыка,	Купи, мила, чаравичкп,
Капъ я поסקала;	Капъ я патаптала.

№ 4.

Рани, рани!
Перья ни драги!
На што мнѣ драги,
Кали не съ кнѣ спади.

Икѣ я была мала,
Зѣ мамаю спала;
А циперь я велика,
Треба мнѣ чалавѣка.

№ 5.

Стары, стары!
Гани валѣ,—
Стары растагнауся.

Стары, стары!
Лѣзь на бабу,—
Стары разсмяуся.

№ 6.

Икѣ я была мала,
Мине мама калыхала;
Я икѣ стала подрастаи,
Стади хлопци калыхади—
Ту у калысци, ту у каробцы,

Ту у гуменцы на саломцы.
Альбо шѣ мине калышеца
Альбо шѣ замужѣ вы меня вазьмеца,
Альбо шѣ на паперы выпишеца.

№ 7.

Гопѣ, маѣ таукачыки,
Гопѣ, маѣ дубовыѣ!

Семѣ гопѣ ваялился,
Накиль у ступи сабралися.

№ 8.

Икѣ хадзили тры—чатѣры,
Да кѣ ничога ни зрабили;

А циперь жа адзинѣ ходзиць,
И спадница ни сыходзиць.

№ 9.

Ка мнѣ дзѣкѣ прыхадзиу,
Рѣшата пѣрагоу прынасиу;

А я яму дала гаршокѣ масла,
Капѣ палавау часта

№ 10.

Ка мнѣ напоу сынѣ прыхадзиу,
Патѣ крысомѣ чаравнички прынасиу
А я дурна была,
Яму ганьбу дала,
Кагѣ я ганьбы ни давала,

Ту я пѣ за имѣ панавала:
Енѣ бы торбы насну,
Енѣ бы хлѣба прасну;
А я пѣ вѣя надавала,
Сабаками пѣ заскавала.

№ 11.

Паскакала пѣ казачка,
Да баюся мужычка,

Мой мужѣ ня великѣ,
Да скакаць ня велиць.

№ 12.

Паненачка, маѣ сѣрца!
Падыдзи падѣ акенца,

Падыми кашульку,
Пакажы зязюльку.

№ 13.

Добры вечарѣ! гаспадыньки, прашу васѣ,
И ни зайшла мая курачка да васѣ?
У маѣй курачки жоута перья п чубокѣ
И на ношцы касмычокѣ.

Да хадзила мая курка па начѣ,
Да злавили яе пѣвичы,
Да загнали у кутокѣ,
Абарвали жоута перья п чубокѣ.

№ 14.

Дзяўчата!
Катора зь вась пачата?

Катора нѣ,
Нясеця миѣ.

№ 15.

Выскачыла зь лябяды—
Здрастуйца, дзяўчата!

Семь готъ была у лябядзѣ
И ще ни пачата.

№ 16.

Па саломі качалася,
Миѣ ничога ни сталася

Я но шѣ томъ сѣна
Мине зьѣла,
Маѣ цѣла папаунѣла.

№ 17.

Паненачки, мае милы!
Падрантвѣли мае жылы,
Ни такъ жылы, какъ суставы.

Скину штанэ, лягу зь вами,
Скину штанэ и сарочку,
Лягу зь вами у халадочку.

№ 18.

Пасѣю я рѣпку
Ни густу, ни рѣдку:
Расьца, мая рѣпка,
Ни густа, ни рѣдка!
Пайду я рана,

Мая рѣпка рвана;
Пайду я па начы,
У маѣй рѣпцы паничы;
Пайду я ёще,
У маѣй рѣпцы цѣца.

№ 19.

А я роду ни такога,
Какъ любила абы якога;

А я роду ацецкаго,
Люблю сына купецкаго.

№ 20.

На вулицы скрыпка грая,
Мине маці гуляць ни пуская.
—Пусьца, маці, погуляци,

Будзяшѣ сабѣ зяця маці, (и ѣць)
Ни такога, ни сякога,
Кавалера маладога. ¹⁾

№ 21.

Свиньпа ў рѣпи (2),
Парасята, у граеццы;—

А музыка плязъ языка
Каля дзяўчатакъ мнѣца.

№ 22.

Антонъ харошаньки
Казу вядзе за рожаньки;

Каза ни дзецца,
Антонъ валачецца.

№ 23.

Антонъ харошаньки,
Мантонъ кароцяньки;

Вѣцеръ падзимая,
Мантонъ падзимая.

¹⁾ (Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 549, № 682).

№ 24.

Казаў тата: казу дамъ
И зъ маленькымъ казенямъ;

Будзямъ казу дапци,
Будзямъ хлопцаў панци.

№ 25.

Зъ Богамъ, хлопцы, зъ Богамъ,
Заткнуўшы сраку рогамъ,

Той рогъ съ табакаю,
А вы бягайця за сабакаю.

№ 26.

А мой жа стары нябожа!
Капъ ты памёръ, дай Божа;
А я пь пашла гуляци,
Маладога шукаци.

А на што мнѣ малодшы,
Кали стары харошшы:
Енъ павьдзи, пакнина,
Прыгхаушы, абдымя.

№ 27.

Стары старычокъ,
Пашыў баби каўпачокъ!

И пашыў, и надзѣў,
И на бабу паглядзѣў.

№ 28.

А мой жа Антончыку!
А што ў цѣбе на кончыку?

Залатая булавачка,
Для паненачакъ забавачка.

№ 29.

Я гарэлки ни пила,
Мнѣ меду дайця;

Я на сына заступила,
Мнѣ паважайця.

№ 30.

Дзяўчыначка липиначка,
Харошага стану!

Няхай цѣбе хлопцы любяць,
А я пярэстану.

№ 31.

На ганку стаю,
Слѣзы котяцца;

Дзяўке замужъ идучъ,
И мнѣ хочацца. ¹⁾

№ 32.

Ци я такая урадзилася,
Ци мая такая доля?
Пашла пь замужъ за старога,
Варадою коля;

Ой найду я за такога,
Што ни мал вуса;
Енъ мнѣ пацалуя,
А я засмяюся.

№ 33.

Кали любишь, люби разья;
А ня любишь—идзи, блазья—

Ня задавай сэрцу туги,
Ня возьмашъ ты—возьма други.

№ 34.

Ой, той жа мнѣ ни да души,
Што ходзиць у кажуси;

Ой, той жа мнѣ спадабаўся,
Што ў гузички ушпиляўся.

¹⁾ Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 548, № 673).

№ 35.

Кароцяньки Станислаў
Тыкаў, тыкаў, ни достаў,

Калодачки ни знашоў,
Заплакаў ды нашоў.

№ 36.

Скачы, скачы, кульгавы,
Ать прыпячка да лавы;

А вы дзяўко, знайця,
Кульгаваму дайця.

№ 37.

Причитываніе дѣтей надъ навозн. жукомъ.

Жучку!

Падай миѣ ручку,
Падай миѣ другую—
Я цибѣ ратую.
Прыляциць маці,
Будзя гадаваці.
Дзѣ твой домъ?

Пады гаўномъ.
Бхау панъ,
Растаптаў,
Прышли дзѣци
Паглядзѣци;
Прышла маці
Паплакаці.
Бздынь, бздынь!

№ 38.

Бусяль—клекли:
Твоя маці у пекля.
Малилася Богу,

Ды зламала ногу;
Палацѣла на тую,
Ды зламала другую.

М. Давнара-Запаляскій.

Примѣчѣнїи.

а) О волочобникахъ см. Шейнъ, Матерьялы и пр., ч. I, р. 133 и сл. и въ примѣч. тутъ же и литорат. вопроса.

б) Ср. подобный обычай въ Витобекской губ.; закапываютъ кости передъ поѣздомъ, Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, р. 172.

в) Въ др. мѣстностяхъ сохраняютъ первый снопы, ср. Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 174.

г) Въ другихъ мѣстн. оставляютъ охапку ржи, Радченко, Гомельскія пѣсни, р. XXXI, или же кладутъ также и краюху хлѣба, Шейнъ, Матерьялы, ч. I, 266, 270, ср. «завиваніе бороды», Шейнъ, Бѣл. п., 176.

д) Бѣлорусскіе варьянты игры см. Шейнъ, Матерьялы, ч. I, р. 111, пѣсни вар. у Беронова, Бѣлор. пѣсни, р. 81; отдаленный великор. вар. у Терещенки, Быть русск. нар., IV, 290—1; о принятїи «ящера» ср. Потебня, объясн. мадор. и нѣкот. сродныхъ пѣсней, р. 27 и сл.,—здесь же указ. сродныхъ мадор. и великор. вар.

е) Бѣлор. вар. ср. у Шейна, Мат., ч. I, 546, Киркоръ, въ Вѣстн. Русск. Геогр. общ., 1857 г. кн. IV, р. 286, Романовъ, Бѣлор. сборн., в. I, р. 285, № 240, великор.—у Терещенки, Быт., IV, 185. Въ указ. вар. пѣсни кончается словомъ «подарую».

ж) Ср. у Радченко, Гомельскія пѣсни. р. XXVIII и 45.; великор. вар., Терещенко. IV, 27.

з) Приведенныя игры относятся къ переживаніямъ первобытнаго гетеризма; съ этой стороны празднованія «подушечки» на Дону разсматривалъ проф. Смирновъ, Очерки сем. отнош. по обычному праву русск. нар., Юридич. Вѣстн., 1877; № 1, р. 62—63. О знач. игры и танцевъ съ этой стороны см. Kulischer. Die geschlechtliche Zuchtwahl, въ «Zeitschrift für Ethnologie». 1876, и 2, р. 142 и слѣд.

и) Этнологическое значеніе посидѣлокъ основывается на выводахъ о первобытномъ гетеризмѣ Леббока, Сиенсера, Летурно, Жиро-Телона, Ковалевскаго, Вилькена, Поста и др. Ср. Ковалевскій, Первобытное право, II, 28—29, Сопоставленія изъ русской жизни приведены у Якушкина, Обычное право, в. I, Ярославль, 1875, р. VII, Смирновъ, Очерки. Юридич. В., 1877, и 1, р. 52 и слѣд., «L'Anthropologie», см. Волкова, 1891 г., р. 174—5 (т. II, № 2), Сумцовъ, Досвѣтки, Кіевск. стар., 1886, январь и др.